

С.Г. МАЛИНОВСКИ

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)
М19

С. Г. Малиновски

М19 Мы наш, мы новый... / С. Г. Малиновски. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 522 с. — (Лейб гвардии майор).

ISBN 978-5-521-73995-0

Отгремела гражданская война. Умер Ленин. На бескрайних территориях России начала возрождаться империя – Союз Советских Социалистических Республик.

Это, наверное, самое сложное и противоречивое время нашей истории. Сейчас, однозначно, нет общепринятой версии происхождения в те далекие годы. Что такое Советский Союз, ужасный сталинский монстр, пожирающий свой народ, или самое свободное и миролюбивое государство в мире, наверное ни то ни другое, это просто страна в которой живут люди, кто хорошо, кто плохо... Зато СССР это идея, ради которой его граждане готовы положить жизнь и здоровье, это мечта о лучшем будущем.

Но у новой Империи слишком много врагов и очень мало друзей, а ещё очень много врагов внутри страны, и с ними нужно бороться...

Книга С. Г. Малиновски «Мы наш... Мы новый...» третья часть большого романа «Гвардии майор». Действующими лицами являются как реальные исторические персонажи, так и совершенно фантастические герои со сверхспособностями. При этом ход истории в романе не изменен и сохранен с документальной точностью.

BIC FA
BISAC FIC000000

© С. Г. Малиновски, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-73995-0

*Нашим отцам и дедам, защи-
щавшим Родину — посвящается.*

Часть I

«В НАЧАЛЕ ПУТИ»

~ ГЛАВА I

...Поезд не опаздывал и не спешил, он просто двигался, как попало. Когда путь освобождался от товарняков и военных эшелонов, он одним рывком проскакивал до следующего переезда, чтобы вновь остановиться и пропускать очередные бесконечные составы.

Россия мало напоминала страну, из которой я уезжал более двадцати лет назад. Из маленького буржуазного мирка пульмановского вагона, я наблюдал как за окном пробегали превратившиеся в пустыри поля, покосившиеся столбы, разрушенные и частично сожженные деревни.

На станциях было не продохнуть, такого количества нищих попрошаек я никогда не видел. Женщины с потухшими глазами прижимающие к себе слабо попискивающих младенцев, наглые бесшабашно весёлые беспризорники, с неожиданным озорством исполняющие похабные куплеты, испуганные барышни, умирающие от голода и не решающиеся протянуть руку, все они страшно раздражали потомственных нищих, которые с ненавистью смотрели на конкурентов. И все они жались к стихийно собиравшимся у стен вокзалов базарам. Здесь продавалось всё: начиная от старого жёлтого сала и заканчивая картинами Рембрандта и скрипками Страдивари (так, во всяком случае, утверждали продавцы).

Все станции были украшены красными флагами и транспарантами с броскими надписями: «Вся власть Советам!» и «Дашь мировую революцию!». Кто такие эти Советы, я не знал.

Да, в стране изменилось многое.

Возвращался я с тяжёлым сердцем, если бы не отец, ей богу — не поехал бы. Но приказ учителя не обсуждается, а он был непреклонен.

Домой я ехал один. Анюта наотрез отказалась посещать революционную страну (ей хватило Парижской Коммуны), и как я её не убеждал, ничего поделать не смог. Более того, поняв, что я всё-таки уезжаю, она пожелала мне счастливого пути и сообщила, что наши дороги окончательно разошлись, в таких выражениях, от которых покраснел бы и биндюжник*. В общем, всё было плохо.

Из вагона я выходить не рисковал, народ и так косо смотрел на наш поезд. От полного разграбления вагонов, толпу удерживали хмурые солдаты с винтовками на перевес. Уже подъезжая к Москве я сообразил, что раз поезд не придерживается расписания, отец не сможет меня встретить, и попытался ментально найти его в водовороте возбужденных мыслей окружающих меня людей. Это оказалось нелегко, но по счастью он сам искал меня, и уже через несколько часов мы встретились.

Брестский вокзал в Москве отличался от тех, что я видел в других местах. Был он, конечно, давно не отремонтирован, с выбитыми стеклами и стенами, побитыми пулями, но здесь было чисто, торгашей не наблюдалось, а на перроне стояли путейцы в форме. Из дверей вышел отец, и, забыв про меланхолию, я, выпрыгнув на перрон, и быстрым шагом направился к нему, оглядываясь в поисках носильщика.

Внешний вид отца поразил меня: кожаная тужурка, туго перетянутая португеей, кожаная фуражка с красной звездой, офицерские галифе со споротыми лампасами. Пока я удивленно смотрел на него, он обнял меня и крепко прижал к себе, затем отступил на шаг, и весело рассмеялся. Пожав плечами, я хотел поинтересоваться, что его так развеселило, но тут, в поле моего зрения, наконец, появился человек с форменной бляхой на груди.

— Голубчик, — обратился я к нему, — возьмите мой багаж.

— Я тебе не голубчик! Буржуйская морда! — сразу определив во мне соотечественника, огрызнулся тот, — Я, товарищ носильщик, — он подозрительно прищурился, но, так и не сумев определить мой статус, всё-таки поставил чемодан на тележку.

Отец, продолжая посмеиваться, наслаждался беседой, а потом подытожил:

— Настоящий барчук.

Я, было, обиделся, но он похлопал меня по плечу и сказал:

— Машина ждёт, — и добавил, обращаясь к носильщику, — товарищ, идёте с нами.

Тот раздулся от гордости, и, презрительно поглядывая на меня, двинулся вслед за красным командиром...

...Москва изменилась очень сильно. Если говорить о ней, как о человеке — посерела и осунулась, словно во время тяжёлой болезни: фасады не красились и не белились, в мостовых зияли ямы, часть деревьев спилили, но настроение людей показывало, что недуг подходит к концу и новая действительность начинает прорастать на руинах старого мира. Путь наш был недолог, быстро проскочив по Тверской-Ямской и не задерживаясь на Манежной, мы очутились на Красной площади, и въехали в Кремль через Спасские ворота.

— Даже так, — не удержался я от сарказма и тут же получил подзатыльник.

Жил отец в первом кавалерском корпусе, я поморщился, эти здания плохо приспособлены для обитания, такие гостиницы с условными удобствами.

— Заходи, сынок, — радушно предложил отец, открывая дверь, — раздевайся, сейчас будем ужинать.

Ужин оказался прост: варёная картошка, селёдка, чёрный хлеб с луком и графинчик разведённого спирта.

— Это всё? — изумился я.

— Да ты совсем обнаглел, полстраны голодает, а тебе разносолы подавай. Если по изыскам соскучился, в ресторан схо-

дишь. И вообще, сильно не обживайся, на днях переведу тебя в казармы, при курсах пулемётчиков. Поживёшь немного солдатской жизнью.

Я вновь поморщился.

— А ты что, хочешь командиром стать по старым заслугам?

— Но я же боевой офицер.

— Об этом забудь, ты сколько лет не воевал? Даже Империалистическую умудрился в Англии пересидеть. А война, дорогой мой, изменилась. Ты флешки наши в Севастополе помнишь? Ровно такие, чтоб пушку поставить и порох спрятать. А сейчас, только голову от земли поднимешь — сразу пуля в лоб. Так что учиться тебе заново.

— А вдруг, через год, большевиков не станет? По крайней мере, в Европе все так говорят.

— Не обольщайся. Эти господа пришли всерьёз и надолго. Так что: либо мы живём по их законам, либо надо убираться из страны. Но терять Россию нельзя. Поэтому будешь делать, что приказано, и не возражать.

— Ладно, пап, — примирительно сказал я, — а кофе или чай у нас есть?

— Это есть, без них я и сам жить не могу.

Поначалу чай пили молча, в конце концов, не выдержав, я спросил:

— А что, всё-таки, случилось в семнадцатом году?

Отец немного помолчал, собираясь с мыслями:

— Понимаешь, Петя, началось-то всё, гораздо раньше.

— В девятьсот пятом?

— Нет, тогда было совсем другое. А началось, скорее, году этак, в двенадцатом. Именно в этот момент все определились чего хотят. Царь хотел сидеть на троне, царица — управлять мужем, Распутин — власти, а рабочие — реальных прав и свобод.

— А разве Распутина не убили?